

Б.С. Каганович. ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ ТАРЛЕ. ИСТОРИК И ВРЕМЯ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014, 357 с.

Книга д.и.н., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского Института истории РАН Б.С. Кагановича является в своем роде итогом многолетних разысканий и публикаций автора, признанного знатока истории отечественной медиевистики и медиевистов, в частности, их непростых судеб в советскую эпоху. Особое место в ряду историков раннего Нового времени – этот период в нашей прежней классификации, да и теперь, в значительной мере отождествляется с эпохой средних веков, – занимает академик Е.В. Тарле. Титул академика как-то прикрепился к этой выдающейся личности, сколько помню, его имя всегда употреблялось в сочетании с этим эпитетом, как нечто неразрывно связанное, как, может быть, некое характерное воплощение академизма советской поры¹, хотя были и другие академики. Более того, “титул” академика дался Тарле непросто – “старорежимные” столпы академической науки не очень хотели принимать его в свои ряды вследствие его якобы марксистских пристрастий, дело было в середине 20-х годов, уже при новой власти, но некоторая автономия академического сообщества, как видим, еще сохранялась. Как поучительно! Но прошло пять–шесть лет, и Тарле был изгнан из сонма академиков в связи с его предполагаемым участием в антисоветском заговоре, впрочем, не без шельмования его как заведомого антимарксиста, т.е. по тем же мотивам, но с противоположным знаком. Однако Евгению Викторовичу было суждено остаться в науке и в памяти потомков со званием академика, потому что вскоре, вероятно, под давлением “международной общественности”, он был восстановлен в своих званиях и даже возвысился до негласного положения чуть ли не главного отечественного историка сталин-

ской эпохи. Все перипетии этих взлетов и падений, сопровождающиеся иногда прямо-таки детективными подробностями (расшифровка имени тайного благодетеля Тарле, оказавшегося скромной ученой дамой, его поклонницей, находившейся в эмиграции во Франции) тщательно прослеживаются Б.С. Кагановичем на основе документальных свидетельств и переписки академика, что составляет один из важнейших сюжетов книги.

А что же научные труды и вклад Е.В. Тарле, огромное наследие которого отличается чрезвычайным разнообразием, в изучение социальной и экономической истории Франции и Европы XVII–XIX вв., в наполеонистику, в историю Отечественной войны 1812 г., Великой Французской буржуазной революции и т.д.: занимают ли они положенное место в монографии Б.С. Кагановича или остаются на периферии этого труда, отнесенные поучительными и весьма поучительными эпизодами “жизненного и творческого пути ученого” и исследованием увлекательных находок, которыми изобилует анализ “переписки историка и мемуаров современников” (цитированные формулировки взяты из аннотации к книге)?

Разумеется, в монографии дается характеристика всех более или менее значимых работ Тарле, и более того, проведено скрупулезное изучение разных изданий этих работ, которое приводит к не менее поучительным выводам и проливает свет не только на эволюцию научных воззрений историка, но и, опять-таки, на сложность привходящих обстоятельств, начиная от большой политики и заканчивая хитросплетениями личных отношений, которые влияли, а порой и до сих пор влияют на судьбы ученых, в том числе и в гуманитарной сфере. Б.С. Каганович старательно распутывает эти хитросплетения с помощью разнообразных источников, всегда уделяя должное внимание уже немалой историографии предмета и иногда даже отмечая некоторые малодостоверные и представляющиеся фантастическими свидетельства. Последнее, мне кажется, не совсем оправданно, с точки

¹ Например, в известных стихах С.Я. Маршака (с. 285–286). В монографии приведены несколько вариантов эпиграммы, и ни в одном из них слово “академик” не встречается, но мне запомнился именно такой ее зачин: “Расскажет академик Тарле Вам без труда о каждом Карле” и т.д.

зрения задач книги, создать портрет ученого на фоне эпохи, как сказано в ее подзаголовке. Впрочем, так или иначе все эти свидетельства приведены и упомянуты, хотя бы в критическом освещении, что позволяет не только устанавливать документальную истину фактов, но и исследовать отношение к этим фактам и к изучаемому лицу, их восприятие самыми разными людьми, а этот предмет сегодня очень занимает историков.

Итак, одна из главных, если не главная тема книги: историк и время, понятая как историк и его взаимоотношения с властью, историк и его взаимоотношения с отечественными и зарубежными коллегами, с друзьями, с ближним и далеким окружением, с семьей и, наконец, с женщинами – тема, затронутая деликатно, но все же обсуждаемая, так как в данном контексте необходимая. То, что для автора важен именно такой универсальный подход к теме, подтверждается названием заключительной, девятой главы книги: “В двух планах. Опыт психологической характеристики”; акцент сделан здесь на контрасте между внешне блестящим официальным положением сталинского академика и внутренней неудовлетворенностью, даже трагизмом личных переживаний человека, живущего в постоянном страхе и сознающего гротескность окружающей действительности. Не случайно на последних страницах появляется фигура Достоевского, рассказ которого “Бобок”, если верить словам одного из знакомых Тарле, подтверждаемым, впрочем, и письмом к М.М. Бахтину, занимал и восхищал его в конце жизненного пути. Противоречивость и двойственность, в частности, во взаимодействии с политическими и идеологическими властями, всегда немаловажном для историков, – один из лейтмотивов книги, однако, вчитываясь в нее, хочется говорить не о двух планах, а о многоплановости этого жизненного пути и творческой биографии Тарле.

В этом отклике на книгу Б.С. Кагановича, который не является полноценной научной рецензией, я касаюсь в свободной форме лишь нескольких из ряда напрашивающихся сюжетов, наводящих на размышления об истории и об историках, о том, что все повторяется и все неповторимо.

Первый из таких сюжетов – уже затронутый вопрос о марксистской подоплеке воззрений Е.В. Тарле – не знаю, как лучше выразиться, потому что степень “марксизма” или не-марксизма тех или иных взглядов или работ вообще трудно поддается определению. В поздние советские годы все историки были марксистами как бы по умолчанию, не-марксистом быть, возможно, и не возбранялось официаль-

но, но все не-марксисты постепенно вымерли или стали крипто-не-марксистами, однако что все-таки означает это слово? Марксист – это тот, кто использует термины “капитализм”, “буржуазия”, “буржуазная революция”, “общественный строй” (формация) или тот, кто верит в закономерный приход коммунизма, а еще лучше – следует линии партии? В первом случае к марксистам можно отнести чуть ли не всех современных историков, во втором речь идет о политической благонадежности, которая к науке имеет весьма отдаленное отношение.

Что касается Е.В. Тарле, то, с точки зрения своих научных интересов, он в значительной мере следовал канонам, установившимся еще в досоветской историографии в связи с распространением марксистского учения об обществе, уделявшего первостепенное внимание “базису”, социальной структуре, борьбе общественных групп, пристальному изучению экономических процессов. Марксизм даже в его школьном понимании (надо говорить прежде всего именно о нем, потому что другое понимание сразу становится неоднозначным) признает “роль личности в истории” и взаимовлияние надстройки и базиса, так что и используя эти банальные критерии, по совести придирается к научно-литературным увлечениям академика Тарле не следовало бы.

Б.С. Каганович не раз упоминает о том, что в выдержавшей множество изданий и переведенной (как и многие другие работы Е.В. Тарле) на всевозможные языки книге “Европа в эпоху империализма” самый империализм понимается довольно расплывчато, как тяга великих держав к колониальным захватам, что наблюдалось даже и в античности, а отнюдь не как “высшая и последняя стадия капитализма”. Да, конечно, В.И. Ленин является признанным “классиком марксизма” – если сопоставлять с конфессиональной иерархией, то, пожалуй, в чине даже не архангела, а одного из ликов божественной Троицы. Но в науке догматических канонov нет, поэтому кто определяет, что здесь кончается марксизм и дальше начинается уже не-марксизм? Если считать марксизм научной школой (научная школа – вещь сама по себе трудно осязаемая), то ведь он должен был подпитываться и подпитывался живой наукой, которая не останавливается ни на каких последних выводах и постоянно развивается. В этом смысле вставленные в поздние издания трудов Тарле фразы о роли народных масс в истории я бы не стал считать (вынужденными) уступками именно марксистской теории – по существу, потому что если она и теория, то насколько “марксистская” – это вопрос. К истории вообще все теории применимы с

большими оговорками, и только как рабочий инструмент.

Точно так же мало о чем свидетельствуют в этом отношении суждения Е.В. Тарле о природе партизанской войны в 1812 г. – если он считает, что в России она отличалась от испанской герильи, то этот его осторожно проводимый тезис, основанный на изучении источников, нисколько не доказывает его отхода от “марксистских” позиций и не компрометирует народа, который с точки зрения официозного “патриотизма” и, вероятно, “марксизма”, должен был подняться гораздо раньше и, во всяком случае, решить исход войны. Мнение Е.В. Тарле в данном случае свидетельствует лишь о его научной добросовестности и щепетильности.

Как явствует из сказанного выше, я (как и Б.С. Каганович) не хочу оправдывать академика Тарле, исходя из каких-то отвлеченных критериев, определяющих его близость к марксизму или удаленность от него по количеству набранных “очков”², сегодня этот прием не в моде, я хочу лишь подчеркнуть тот факт, признание коего, вероятно, не противоречит “дискурсу” рассматриваемой монографии, что историко-идеологические определения довольно малосодержательны и часто обманчивы, не говоря об их возможной политизированности и оценочном характере. Социальное и политическое измерение личности, а тем более выражающая его этикетка никак не исчерпывают ее как человеческого, как и исторического содержания, – если так считают не-марксисты, то Тарле, по-видимому, был не-марксистом; но и Маркс, как я подозреваю, в этом смысле ортодоксальным марксистом не был.

Если попытаться высказать некоторое общее суждение о природе дарования и о причинах уже упоминавшихся взлетов и падений³ академика Тарле, как они предстают, в частности, в книге Б.С. Кагановича, то следовало бы, вероятно, разделить эти две вещи (природу и причины), хотя они в действительности тесно взаимосвязаны.

Все свидетельства современников о Евгении Викторовиче как ученом профессоре

² Если Тарле в письме к наркому просвещения призывает “авторитетно бороться за настоящую марксистскую мысль в историографии”, намекая, что для этого нужен именно его авторитет, это, конечно, не доказывает его ортодоксальности (с. 260).

³ Любопытно, что одна из статей, критически оценивающих творческий и жизненный путь Е.В. Тарле, называется “Błąski i niedzi dziejów życia prof. Tarlego” (В. Вайнтрауб). Б.С. Каганович переводит это заглавие как “Блеск и нищета биографии проф. Тарле” (с. 10, прим. 11). В одной из немецких статей, где Тарле назван “Трейчке сталинизма”, дан подзаголовок “Счастье и беда Евгения Тарле” (Glück und Unglück des Eugen Tarle, В. Гёнкер, 1955): с. 277, прим. 146.

сходятся в одном, а именно в том, что он был блестящим лектором, блестящим рассказчиком и блестящим собеседником. До некоторой степени представление об этом его таланте можно составить по часто цитируемой в монографии переписке академика. Чего стоят, например, сюжеты исторических романов, предлагаемые Тарле его знакомому, писателю Е.Л. Ланну – непринужденность стиля и слога, эрудиция, богатое воображение, изящество и легкость письма заставляют вспомнить о вышеупомянутых свидетельствах и пожалеть о том, что аудио- или видеозаписи лекций историка не были сделаны и до нас не дошли. Еще один источник подобных же впечатлений – протоколы выступлений Тарле на обсуждениях научных работ, скажем, на защите диссертации М.А. Гуковского, где академик позволил себе в довольно изысканной форме попенять соискателю на присутствующие в его работе вполне в духе времени (дело было в ноябре 1939 г.) штампованные идеологические выпады против “буржуазных ученых”, которым, тем не менее, тот сам был многим обязан (с. 228)⁴.

Труды Тарле многократно издавались, были переведены на многие европейские и иные языки, пользовались большой популярностью, читаются и сейчас. Всё это говорит о выдающемся таланте историка и о его научных заслугах, но, на мой взгляд, его печатные труды всё же лишены того аромата и той привлекательности, которой должны были отличаться его устные выступления⁵. Кроме того, эти работы не были “научно-популярными” в узком смысле этого понятия, они были прежде всего научными, что налагало, по всей видимости, некоторые ограничения с точки зрения строгости стиля, детального исследования источников, систематизации изложения, которые не должны и не могут соблюдаться в устной речи, хотя бы и “научной”.

В своей заключительной характеристике научного творчества Е.В. Тарле Б.С. Каганович исходит из условного деления историков на три группы – историки-исследователи, историки-мыслители или теоретики и историки-художники. Надо сказать, что автор книги обыч-

⁴ Фрондером Тарле не был, но, вероятно, здесь срабатывало чувство некоторой защищенности, которое у него было, и присущий ему (по крайней мере, до последних лет) оптимизм.

⁵ Этой особенностью, видимо, объясняется мнение Ю.К. Олеши о том, что от сочинений Е.В. Тарле не остается “именно художественного, поэтического впечатления. Скорее ощущение компиляции”. Б.С. Каганович комментирует эти слова так: “Точнее было бы говорить не о компиляции в прямом смысле, а о какой-то элементарности, шаблонности и заданности характеристик и красок” (с. 298, прим. 69).

но избегает подобных несколько рискованных обобщений и все его выводы, как правило, достаточно выверенны и в меру осторожны, хотя они покоятся, естественно, не только на эмпирическом материале, но и на некоторых общепринятых представлениях об историзме, реализме, социологических теориях и т.п., а также на таких разрабатываемых им самим научных конструктах, как “петербургская историческая школа”, к которой Тарле, по его мнению, “в какой-то мере” принадлежал (с. 334). Вышеупомянутая классификация историков служит Б.С. Кагановичу отправной точкой для заключительных рассуждений о взаимоотношениях Тарле с “марксизмом” (о чем речь уже шла выше), о принципиальной близости его ранних и поздних работ, о его недостатках и эволюции, достигшей зенита в 30-е годы и затем закономерно пошедшей на спад, и вообще о противоречиях между его творчеством и “послужным списком”, которые заставили его почувствовать родную душу в гуманисте Лоренцо Валле, секретаре папской курии и разоблачителе подложности “Константинова дара”. Здесь автор книги делает много точных и обоснованных замечаний; трудно не согласиться и с тем, что Тарле был высокоодаренным историком-художником, воскрешающим человеческое содержание истории; хотя, вероятно, он не вполне реализовал это свое дарование в научных трудах. Я бы добавил к этому только, что попытка обозначить своеобразие творчества данного конкретного историка, действительно, выходит за рамки частного случая и ставит вопрос о специфике истории как научной дисциплины (совокупности дисциплин) вообще. Историки редко бывают теоретиками в смысле создания систем; упоминаемые Б.С. Кагановичем Макс Вебер и Бенедетто Кроче, будучи, очевидно, и историками, чаще характеризуются первый – как социолог, второй – как историко-литературный критик. Что касается историков-исследователей, изучения и критики “источников”, то это собственно научная часть исторической работы, и никакой ученый-историк немислим без участия в ней, что справедливо также в отношении Е.В. Тарле, о чем пишет и автор книги, но навряд ли можно считать эту работу особенной приметой его творчества. Это установившийся к концу XIX в. канон, который не явился и принадлежностью одной только “петербургской школы”. Наконец, история-рассказ, воспроизводящая прошлое в образах человеческих характеров и отношений и в этом смысле сближающаяся с художественной литературой, остается неотъемлемой частью любой истории, несмотря на исторически сложившуюся конфронтацию ее “научного” и “человеческого” планов. Творчество Е.В. Тарле служит тому очередным подтверждением, хотя,

конечно, помимо литературного дарования его свершения объясняются великой трудоспособностью, необыкновенной памятью и другими личными качествами.

Еще одна большая тема, на размышления о которой наводит чтение книги об академике Тарле, – это взаимоотношения ученого с властями предрежущими. Наука вообще (как и искусство) – своего рода предмет роскоши, хотя и крайне необходимый; она производит прогресс, но только опосредованно, поэтому ученые всегда зависели и зависят: от правителей, от “бизнеса”, от государства. Те, в свою очередь, находятся в сложных взаимоотношениях с обществом, формируя общепринятые взгляды, “идеологически выдержанные” суждения; но и общество порождает такие правильные “дискурсы”, как их теперь называют. Эта сентенция вызвана здесь той проблематикой, которая находится в центре заключительных глав монографии и связана преимущественно с оценкой поздних работ Тарле, с точки зрения большего или меньшего присутствия в них “национализма”, “патриотизма”, “великодержавности”, даже “шовинизма” и т.п. Именно эти ментальные проявления коллективной индивидуальности этносов и государств, всегда им присущие, но периодически выступающие на первый план политической сцены, находятся в центре упомянутых глав и определяют суть дискуссий и политических решений, касавшихся сочинений историка Тарле в послевоенный период, и далеко не только их.

Из прекрасно и разносторонне документированного рассказа об этих годах отечественной историографии можно заключить, что в основном друг другу противостояли или взаимно дополняли друг друга две тенденции. С одной стороны, желание использовать историческое прошлое для оправдания нового национализма, путем воспевания успехов Российской империи в расширении ее границ, вплоть до фактического одобрения разделов Польши, и, с другой, марксистское осуждение старого режима, империализма и царской России как “тюрьмы народов”. Конечно, ни одна, ни другая крайность не могла полностью заглушить противоположную в тогдашней официальной идеологии, поэтому аргументы обеих использовались, главным образом, для побивания оппонентов, в ожидании, чья точка зрения будет одобрена свыше⁶.

⁶ Описывая вызванное этой дискуссией совещание в ЦК ВКП(б) летом 1944 г., Б.С. Каганович проводит любопытное деление советских историков на новых “патриотов”, старых не-марксистов, “ортодоксов”, марксистов/объективистов и “диалектиков” (следовавших мнению начальства): с. 255.

Насколько можно судить, патриотический пафос трудов Е.В. Тарле был в достаточной степени искренним, и не только в период Великой Отечественной войны, но и позднее, как и ранее. В то же время как историк он не мог не понимать всей сложности мотивов и интересов, сплетением которых объясняются извивы и повороты международной политики и дипломатии.

Та двойственность, которая, как пишет Б.С. Каганович, была присуща поведению академика Тарле в послевоенные годы, вытекала, таким образом, не столько из кардинального противоречия между его убеждениями и тем, что приходилось писать, сколько из необходимости подчиняться политическому заказу, приспосабливаться к произволу; угадывать, что именно будет угодно, опасаться уже пережитого однажды ужаса. В общем, в тех пределах, в которых это было ему доступно, Е.В. Тарле вел себя вполне достойно: помогал гонимым, никого не притеснял, высказывался независимо, когда и насколько это было возможно, по-прежнему много работал. Мог ли и должен ли он был поступать иначе? Большинство его тогдашних оппонентов вело себя менее благомерно.

Он не стал, безусловно, советским Трейчке, но заплатил за свою позицию потерей профессионального авторитета – судя по письмам, выдающихся интеллектуальных качеств Тарле не утратил, но использовать их в должной мере уже просто не мог. Как он к этому пришел? К И.В. Сталину он, видимо, относился с уважением не потому, что не понимал демонических качеств советского вождя, но в силу своих представлений о роли выдающейся личности, выдающегося правителя в истории народа (с. 333), что заставляло его, в частности, идеализировать императрицу Екатерину II (с. 263 и след.). Отсюда, очевидно, недоуменный вопрос по поводу “дела врачей”: “Зачем ему это понадобилось? Достигнуть такой славы и так испортить ее” (с. 320–321 и прим. 34)⁷. Тень Сталина, главного арбитра во всех тогдашних спорах, нависает над академиком Тарле, как и над многими другими деятелями науки и культуры эпохи.

Определяющими для компромиссной позиции Тарле стали, может быть, два момента – невозможность полного отторжения, даже внутреннего, советской действительности и убеждение в нужности своей работы. В конце концов, он оставался “не-марксистом”, что бы это ни значило, это неплохой внешний итог,

даже если не говорить о тиражах и орденах. Все-таки академик Тарле служил не режиму и не идее, а науке и своей стране.

Впечатление холодности, которое, по приводимым в книге свидетельствам современников, возникало при знакомстве с работами и иногда при общении с Е.В. Тарле, отчасти объясняется особенностями творчества историка (ученый поиск новых материалов, увязание в подробностях, при всем интересе к личности и художественном таланте – но Тарле не работал как художник), отчасти же его положением мэтра отечественной науки. В поздних отзывах заметно, что современники нередко воспринимали его как высокопоставленного вельможу от науки, человека из верхов, что вызывало чувство некоторого если не осуждения, то отчуждения. Не всем был понятен его внутренний разлад.

Если попытаться заключить этот отзыв еще одним частным обобщением, которое подсказано чтением монографии Б.С. Кагановича, надо заметить, что работа историка редко ведет к созданию или пересмотру универсальных концепций, зато один из ее полезных результатов состоит в поиске точных определений, метких слов и характеристик, афористичных наблюдений. Читатель обнаружит в этой книге множество подобных находок, принадлежащих и самому Тарле, и Токвилю, и Д. Лукачу, и многим другим, в том числе и ее автору. Приведу целиком только один колоритный отрывок из письма Тарле, впервые цитируемого в монографии и прекрасно отражающего стиль и литературный талант академика. Он навеян высказываниями В.С. Соловьёва о Достоевском (и несколько противоречит опубликованному ранее дифирамбам Тарле в адрес Соловьёва): “И чего можно было ожидать от этой великопостной старой бабы в брюках? У него удочка для ловли карасей для постной вечера, а он опускает ее в Атлантический океан и самодовольно хочет выловить со дна неведомых, таинственных чудищ, которые там обитают. Ни уха, ни рыла в Достоевском он не смыслит. Достоевский – Мефистофель, показывающий язык всякой колокольной дребеде” (с. 324 и прим. 49). Такие же яркие эпистолярные цитаты заключают книгу, которая кроме того, что является данью памяти академику Тарле, знаменует несомненную удачу автора, посвятившего свое творчество истории историков.

⁷ Надо, правда, иметь в виду, что это свидетельство коллеги, к тому же переданное через третьи руки.